

Не секрет, что в России существует достаточное количество людей, искренне симпатизирующих фашизму – в большей степени германскому, в меньшей – итальянскому. Далеко не все из них демонстрируют свои симпатии, но почти все убеждены в необходимости повторения фашистского опыта на русской почве.

Поэтому сегодня крайне важно разобраться наконец с тем, что же представлял собой фашизм на самом деле. И разбираться надо без эмоций (и отрицательных, и положительных), спокойно и, насколько это можно, отстраненно. Надо помнить – мы не имеем права на эмоции тогда, когда речь заходит о таком важном, для нашей Родины деле, как создание новой национальной идеологии.

Прежде всего, хотелось бы отметить – русскому националисту ничего не понять в фашизме, если он подходит к нему с позиций антифашизма. И речь не идет о “левом” антифашизме (с этим убожеством и так все ясно), в данном случае нами имеется ввиду антифашизм “правый”, патриотический. Его в основном придерживаются буйноправославные, которых просто воротит от всего яркого, экстремального и интересного. Главная претензия, высказываемая ими по отношению к фашизму – его антихристианство.

Отчасти их критику можно признать правильной (забегая вперед, отмечу, что все претензии к фашизму отчасти обоснованы, отчасти – абсурдны). Действительно, в рамках германского национал-социализма существовала мощная антихристианская тенденция. Руководитель аппарата НСДАП Мартин Борман даже активно “лоббировал” идею тотальной дехристианизации Германии, к тому же склонялся Розенберг. Ни одного настоящего христианина в высшем руководстве Райха не было. Но одновременно сам Гитлер и многие его соратники были очень высокого мнения о Христе и об учении Евангелия, порой необоснованно противопоставляя его самому христианству. Зачастую официальная пропаганда даже пользовалась евангельскими образами и постулатами. Так, во время партийного ралли в Нюрнберге на всеобщее обозрение была выставлена гигантская фотография Гитлера с надписью: “В начале было Слово”. Вождь нацистской Германии, кроме того, видел много положительного в богатейшей истории католической церкви.

Однако, какой-либо полноценной религиозной альтернативы учению Христа нацисты не предложили. Да они и не могли ее предложить, ибо их воззрения на религию были весьма и весьма запутанными. Язычество их не особенно привлекало, в нем они ценили лишь эстетический момент и свидетельство о великой духовной силе предков. В книге Гитлера “Майн кампф” можно найти большое количество едких замечаний в адрес неоязычников-фелькишистов.

Очень часто нацистам пытаются приписать оккультизм, ссылаясь на их членство в знаменитом и загадочном “Германенордене”, чьей духовной основой была смесь из скандинавского язычества, индуизма, буддизма и теософии мадам Блаватской. Некоторые даже поддаются искушению приписать все действия Гитлера оккультным целям данного братства, причем само оно характеризуется в качестве чего-то, почти неотличимого от масонской ложи и сатанинской секты.

Все это, конечно же, бред. Во-первых, “Германенорден” хоть и не являлся полноценной традиционной организацией, но тем не менее не грешил и сатанизмом, у масонов же брал не идеи, а методы организационного строительства (не следует забывать, что сами масоны в свое время взяли на вооружение технологию именно традиционных орденов). Во-вторых, Гитлер лишь использовал немецких оккультистов в собственных целях, задействовав их широкие связи. Придя к власти он постепенно свернул деятельность ордена, отдав монополию на мистические изыскания своей орденской структуре – СС. Правые оккультисты остались этим весьма недовольны и поругивают Гитлера до сих пор (Ж. Мабир. Общество Туле. “Атака”, № 104). Кроме того, Гитлер довольно жестко чистил тех руководителей “ГО” (например, Зеботенндорфа, есть данные, что он попросту был убит по приказу фюрера), которые были связаны с масонством и ориентировались на ложу “Мемфис Мицраим” — одну из самых опасных мондиалистских организаций.

Вообще, о религиозных взглядах нацистов, того же Гитлера, например, нельзя сказать ничего определенного. В разных воспоминаниях он предстает в разных вероисповедных “ипостасях”. Раушнинг описывает его как полу-язычника и полу-пантеиста, Вагенер приписывает ему абстрактное христианство, Пикер же уверяет, что фюрер сочетал материализм с верой в некое непонятное Провидение. Скорее всего, правы все трое. Обращает на себя внимание именно расплывчатость “вер” Гитлера, их абстрактность. Его религиозные взгляды просто не определились, он находился в состоянии поиска. То же самое можно сказать и о всех других нацистских лидерах, а также о вождях фашистской Италии, которых отличала только большая толерантность к церкви — сказывалась специфика католической Италии.

Могут сослаться на гонения в отношении католиков и протестантов, однако и здесь попадание будет не в десяточку, а в лучший случай, в пятерку. Гитлер преследовал всех тех, в ком видел угрозу своему владычеству, он желал подчинить себе все – в том числе и религиозные общины.

Православным критикам фашизма пора понять, что ничего специально антихристианского в фашизме не было, как не было там и ничего специально антиязыческого и т. д. Претензия, действительно обоснованная претензия, может быть сформулирована в отношении безрелигиозности как таковой. Фашизм – итальянский и германский (а здесь не рассматриваются так и не пришедшие к власти румынские железногвардейцы, бельгийские рексисты, испанские фалангисты) не имел твердого духовного стержня, что отчасти простительно, если вспомнить об апостасийности самого западного христианства.

Итак, первый вывод – в фашизме, для настоящих правых, неприемлема его безрелигиозность.

Необходимо оговориться – указанная безрелигиозность ни в коем случае не абсолютна, скорее это неосознанная религиозность. В то же время обращает на себя внимание страстное влечение фашистов к мистике, к чудесному и потустороннему. “С нами Бог”, изречение, которое немецкие военные носили на пряжке ремня, свидетельствует об их неосознанном желании видеть Божественное внутри себя, ощущать его присутствие постоянно – и в горе, и в радости. Да и вообще, сам фашистский накал, горячая фашистская вера в расу, вождя и себя – все это даже лучше, чем теплохладный морализм протестантско-католического Запада, который омерзителен в своем лицемерии и торгашестве. Но “лучше” не значит еще хорошо и об этом надо помнить всем русским националистам. Восхищайтесь прямотушием и оптимизмом фашизма, наслаждайтесь его огненным стилем, однако, Боже вас упаси повторить его ошибки, уподобиться ему в забвении многих традиционных идеалов!

Фашизм очень часто упрекают в русофобии и антиславизме. И тут снова присутствует большая доля истины. Думаю, нет смысла напоминать о более чем безответственных высказываниях Гитлера, Розенберга, Гимmlера и других руководителей Третьего Райха. У некоторых из них нелюбовь к русским доходила до откровенной патологии. Правда, наряду с русофобскими утверждениями и директивами порой появлялись и достаточно корректные идеологемы. Сюда следует отнести неоднократные заявления отдела расовой политики НСДАП, подчеркивающего, что нет оснований говорить о неполноценности кого-либо из других народов. Также можно привести в пример и

спешное решение СС прекратить распространение брошюры “Недочеловек”, содержащей особенно оскорбительные нападки на русских – ее выпуск был официально признан ошибочным.

Но как бы там ни было, а преобладала все же антирусская линия. Немецкое руководство не доверяло даже тем из русских, кто искренне был готов сотрудничать с Райхом – ярчайший пример – армия Власова.

Как бы это не понравилось многим нашим праворадикалам, однако справедливость требует признать и факт угнетения тевтонскими националистами русского населения оккупированных территорий. Бесспорно, тут не было геноцида, подобного большевицкому, т. е. никто не проводил срез целых социальных слоев посредством массового террора (хотя сам массовый террор имел место быть – в более мягкой форме, чем представляется). Немецкая администрация “просто-напросто” отказалась от налаживания сети полноценной системы продовольственного снабжения и медицинского обслуживания, что роковым образом сказалось на смертности населения – она резко возросла. По такому же образцу, но гораздо жестче, немцы обращались и с русскими пленными в 1941-1942 годах. По директиве Геринга им полагалось в день всего лишь 200 грамм брюквы в день. И только после полного провала блицкрига нацистское руководство значительно улучшило жизнь военнопленных (к этому моменту погибло около миллиона советских солдат и офицеров, находящихся в концлагерях).

Я вообще не разделяю мнение русских гитлеристов, согласно которым Гитлер шел освобождать Россию от большевизма. Это его волновало меньше всего, он хотел очистить нашу страну от красных для того, чтобы самому воспользоваться ее ресурсами и жизненным пространством. Показательно, что восточная оккупационная администрация даже не уничтожила ненавистные колхозы, считая их лучшим орудием эксплуатации славянского населения. Ничто не говорит о планах Гитлера по воссозданию Русского государства, зато есть множество свидетельств о его намерении раз и навсегда покончить с независимостью России, “ариизировав” при этом определенный процент русских.

Но даже если бы немцев и волновала свобода русских, то в виде вооруженного

нашествия их волнения выглядели бы оскорбительно. Великая Россия не может принимать свободу от рук иностранцев, иначе она лишится своего величия в обмен на сомнительную вольность (хотя, повторяю – никто нас освобождать не хотел и не хочет). Кроме того, по моему глубочайшему убеждению, такая великая нация, как мы, не могла терпеть длительное время господство откровенно интернациональных и антирусских сил, в противном случае, она была бы нацией рабов, терпеливо сносящей понукание рабовладельцев.

Нельзя игнорировать факты – уже к концу 30-х годов партийно-государственный аппарат СССР состоял в основном из русских, украинцев и белорусов, тогда же полным ходом пошел процесс реабилитации национальной культуры и истории, начала постепенно сворачиваться антирелигиозная пропаганда. Большевизм, благодаря сопротивлению русских, в некоторой степени утратил свой интернациональный характер и приблизился к национальному социализму. И, кстати сказать, сохранение дружественных отношений с Германией только ускорило бы подобный процесс. Я, правда, не хочу солидаризироваться и с теми, кто говорит о перерождении советского коммунизма, как о свершившемся факте. Здесь иное – власть перешла от интернациональных гангстеров ленинско-троцкистского призыва к коммунистам-славянам, причудливо сочетающим прежний интернационализм и русский великодержавный патриотизм. Ничего особо хорошего ждать от такой смеси было нельзя, однако налицо был факт сопротивления русских социальных низов космополитической, троцкистско-бухаринской люмпен-интеллигенции. Не будь этого сопротивления “внуков Октября”, его “дети” сдали бы нас Западу на полстолетия раньше.

Посему воевать с Германией было нужно, она несла нам не свободу, а новое рабство.

Другое дело, русофобию Третьего Райха (повторюсь – не такую уж и абсолютную), ни в коем случае нельзя приписывать фашизму как таковому. Вернее, нужно расставить акценты по иному – русофобия германского фашизма не есть специфически фашистская черта, она вообще присуща западной культуре. Бессмысленно ставить тут нацистов на первый план, нелюбовь к России была характерна для многих западных деятелей. И правые, и “центр”, и левые — все в большинстве своем так или иначе относились и относятся к нам критически. К слову, также политически широк и западный шовинизм, пытающийся зачастую навязать свое видение мира всем народам. Не следует забывать, что социал-демократ Евгений Дюринг был еще большим расистом, чем граф Гобино.

К сожалению, Европа тяжело больна русофобией. Мне отнюдь не кажется, что эта болезнь смертельна, более того, я верю в скорейшее выздоровление западного гиганта – под флагами панариизма. Однако, факт есть факт...

Валить гитлеровскую русофобию на фашизм нельзя, скорее это порок пангерманизма, а по большому счету и евро-шовинизма. Доставшийся в наследство от варварских племен Галлии и Германии, буйно возросших на развалинах имперского Рима, он неизменно ведет к низведению национальной Идеи до узкого, “местечкового” псевдонационализма розенбергов. Но сам фашизм был шире, чем мысль розенбергов.

Помимо того, нельзя не признать, что многие из теоретиков и практиков фашизма не испытывали какой-либо нелюбви к русским. Ее мы не найдем у Штрассера, Рэма или Муссолини. Многие были в общем-то против войны с Россией, взять хотя бы того же Муссолини, принявшего участие в походе Гитлера скорее из чувства преданности союзническому долгу. Показательно, что дуче был довольно благожелательно настроен к сталинской России и даже утверждал – сталинизм есть славянский вариант фашизма (сын Муссолини возглавлял полуподпольный кружок фашистской молодежи, увлекавшейся изучением опыта советских пятилеток). Против похода на восток выступал министр иностранных дел гитлеровской Германии Риббентроп, что впрочем не помешало ему активно бороться с Россией во вторую мировую – преданность Вождю и дисциплину он почитал выше своей русофилии.

Но пора сделать второй вывод – в фашизме для правых категорически неприемлема варварская нетерпимость по отношению ко всем и вся, нетерпимость, столь сильно отличающаяся от широты и великодушия римского империализма.

Патриоты настойчиво обвиняют фашизм (именно, германский) в том, что он был инициирован мировыми подрывными силами и, в конечном итоге, служил интересам западных плутократий, стравивших две великие страны в ненужной войне. И опять-таки истина тут причудливо сочетается с абсурдом.

Отмечу сразу — ни о какой инспирации в данном случае и речи быть не может. Все аргументы в ее пользу наивны до идиотизма. Кричат – дескать Гитлер “всего лишь” закрыл масонские ложи и репрессировал только часть из восьмидесяти тысяч “вольных каменщиков”! Нашим профессиональным масноборцам и невдомек, что в XX в. в масонство вступали уже как в КПСС периода брежневизма – с целью сделать карьеру.

Восемьдесят тысяч – это не тайный орден, а практически открытая ассоциация. Репрессировать большинство никакого смысла не имело и Гитлер расправился с действительными предводителями и стратегами, запретив масонство как таковое.

Несколько более весомы аргументы западного конспиролога Э. Саттона, приводящего документальные ссылки на факт теснейшего сотрудничества (в период правления Гитлера) многих немецких монополистов с их американскими коллегами. Но и здесь налицо смысловое смещение – вину одних (монополистов) пытаются спихнуть на других (на гитлеровское руководство). Последнее же было виновато “лишь” в попустительстве по отношению к первым.

Касаясь данного сюжета нельзя пройти мимо очень распространенного обвинения в прислужничестве крупному капиталу. Его в основном выдвигают левые, но порой не прочь поупражняться на сей счет и некоторые националисты. Вне всякого сомнения, мы сталкиваемся с еще одной попыткой раздуть реальный факт до грандиозного “мифа”. Да, действительно, Гитлер сотрудничал со многими монополистами и довольно влиятельные силы немецких промышленников симпатизировали ему. Однако, вплоть до прихода к власти НСДАП ими больше надежд возлагалось на старых, “традиционных” националистов, на “Стальной шлем” или на Немецкую националистическую партию А. Гугенберга. Даже в апреле 1932 г. стремительно разваливавшаяся ННП получала от промышленников более крупные суммы, чем динамично развивающаяся партия Гитлера. Последней они отводили роль еще одной сильной националистической организации, которая поможет справиться с возрастающей волной революционно-коммунистического и забастовочного движения и будет вознаграждена за это двумя-тремя министерскими портфелями. Показательно, что в конце 1932 г. большинство крупных предпринимателей отказалось подписать петицию Шахта о необходимости назначения Гитлера на пост канцлера.

Посему основное бремя финансовых расходов несли сами нацисты. Установлено, что их годовой бюджет составлял 70-90 млн. марок (иная сумма была бы недостаточной для руководства партией, состоящей из 10 тыс. активно функционирующих местных групп) – эта цифра явно не дотягивает до бюджета той же ННП. Сам Гитлер не раз жаловался на немецких промышленников: “...Что делает немецкая индустрия для возрождения немецкого народа? Ничего.” Примерно тоже утверждал и пресс-секретарь НСДАП О. Дитрих, немало сделавший для установления контактов между ней и крупным бизнесом.

Гитлер не зависел от крупного капитала и не продавался ему. Его ошибкой было то, что он пошел на компромисс с монополиями во имя сохранения и усиления национального

единства. Фюрер верил в возможность изживания прирожденного эгоизма у промышленных и финансовых воротил, он слишком высоко оценивал их патриотизм и верность гражданскому долгу. Между тем, крупный капитал практически не имеет национального лица, ибо его существование основано на рыночной стихии с ее постоянным переливанием ресурсов (финансовых, товарных, людских) из одной точки в другую – в зависимости от конъюнктуры. Вся история капитала есть история его космополитизации, преодоления “узких” национальных рамок – того требует рынок, функционирующий только и исключительно по принципу выгоды, исходя из диалектики спроса и предложения. “Невидимая рука” рынка в высшей степени космополитична, ибо она освобождает себя от диктата видимой, публичной, т. е. государственной власти, сохраняющей и защищающей национальные различия (при капитализме само государство подчинено капиталу и постепенно разрушает “национальную ограниченность”, сдерживающую развитие универсальных рыночных отношений).

Рыночные интересы побуждали крупную буржуазию проводить (пусть и в новых условиях) прежнюю политику эгоизма. За промышленный подъем и ликвидацию безработицы, за горы оружия, произведенного для Райха, она потребовала насильственной монополизации значительной части среднего и мелкого предпринимательства. В результате политики насильственного картелирования (ликвидации мелкого бизнеса в интересах крупного), проводимой Гитлером в 1933-1939 гг. с хозяйственной арены исчезло около 700 мелких ремесленных предприятий. Резко возросло влияние монополий. К 1939 г. 6 крупных банков и 70 акционерных обществ контролировали 2/3 промышленного потенциала Германии. Интересы множества производителей и торговцев оказались нарушенными, что вряд ли способствовало укреплению национального единства, столь чаемого Гитлером.

Совсем уж нелепым, с точки зрения радикального национализма, было сохранение частных банков с их совершенно непроизводительными доходами от процентов по займам и вкладам. И это при том, что ликвидация банковского процента являлась изначальным и важнейшим требованием партии, оно легло в основу экономической теории Федера, которую национал-социалисты признали своей официальной доктриной в области экономики. Но после прихода Гитлера к власти Федера задвинули на второй план, зато чрезвычайно возвысили банкиров.

Акулы крупного “национального” бизнеса были кровно заинтересованы в восточной авантюре – она сулила им новые рынки сбыта и источники сырья, а также сверх-дешевую рабочую силу в лице “расово неполноценных” иностранцев (в основном, славян). Естественно, все эти круппы и тиссены прямо таки подталкивали Гитлера к войне с Россией, в чем их всемерно поддерживали американские плутократы. Документально доказано, что немецкие толстосумы имели теснейшие контакты с

Уолл-Стрит, чьи воротилы пуще огня боялись союза национал-социалистической Германии и сталинской России. В этом отношении показателен демарш одного из контактеров – Фрица Тиссена, резко выступившего против заключения советско-германского договора о дружбе и ненападении, договора, который мог бы стать началом конца мировой олигархии. Но то был еще открытый демарш, совершенный в эмиграции, а сколько усилий по столкновению лбами двух великих народов затрачено в ходе тайной, лоббистской борьбы? К примеру, в Райхе существовал подпольный антигитлеровский кружок, возглавляемый обер-бургомистром Лейпцига Карлом Герделером. Члены кружка ориентировались на Англию и всячески готовили устранение Гитлера (в 1944 г. Герделер принял активное участие в заговоре военных). Так вот с этой оппозицией предателей и агентов английского влияния теснейшим образом контактировали представители влиятельнейших промышленных кругов – Герман Бюхер (концерн “АЭГ”), Карл Бош (“ИГ Фарбен”), Роберт Бош (“Бош АГ”), Ялмар Шахт, Карл Сименс и многие другие.

После войны англо-американские плутократы оценили “услуги” своих коллег, оказанные ими национальной Германией. Год, максимум пол-года заключения в уютной и комфортабельной тюремной камере – вот и все, чем отделались “нацистские” “капитаны индустрии”. Причем во время заключения эти “национал-капиталисты” продолжали руководить своими предприятиями через управляющих.

В Италии финансово-промышленная верхушка вообще сыграла роль одного из главных организаторов смещения Муссолини в 1943 г. Кстати говоря, первое открытое выступление против дуче было осуществлено министром путей сообщения, крупным предпринимателем Чини, подвергшим его острой критике 19 июня, на заседании правительства.

В Германии же была своя специфика. Здесь заговорщики всегда опирались на армейскую верхушку. Гитлер совершил роковую ошибку, отказавшись сокрушить крупный капитал и она сродни другой его великой ошибке – сохранению старой армии, возглавляемой прусским генералитетом, представлявшим собой, по большей части, сборище дуболомов, зараженных англофилией. Все это “пруссачье” — выродившиеся аристократы — терпеть не могло национал-социализм. Армейцы-“старперы” организовали множество заговоров против Гитлера, среди которых заговор 20 июля 1944 г. был лишь наиболее известным. Однако, были еще и Берлинский, и Цоссенский, и Сталинградский путчи, ниточки от которых тянулись в Лондон. Вне всякого сомнения, Гитлеру следовало бы реорганизовать старую германскую армию, усилив в ней влияние молодых национал-революционных сил и создав там политические институты – с идеологией в вермахте было неважно. Конечно, речь идет не о проекте Рэма, требовавшего создания революционной армии на манер французской. Подобные планы

были уже перекосом в плебейско-демократическую сторону. Вместе с тем, всегда сохранялась возможность соединения старогерманских традиций (с широким использованием опыта прежнего офицерства) и национал-революционного энтузиазма.

Заигрывание с крупным капиталом и старым генералитетом выявляют слабость революционной составляющей фашистской консервативной революции. Удивительно, но слаба в ней оказалась и составляющая консерватизма.

Фашистские революции смели прогнившие демократические режимы, но оказались непоследовательны в деле восстановления истинно национального, истинно европейского, истинно имперского порядка. Наилучшим решением в области государственного строительства могло быть только воссоздание монархии, естественно, на новом – вождистском, партийно-орденском, корпоративном уровне. Лишь монархия, признающая Божественную волю в качестве единственного источника власти и воспринимающая “случайность рождения” именно как видимое проявление этой потусторонней воли, может считаться действенной альтернативой прогрессизму, основанному на “человеческом, слишком человеческом”. И демократия, и диктатура, признающие источником власти волю людей (“народа”, “класса”, “нации”, “трудящихся” и т. д.) или одного человека (тирана) есть разновидности политического гуманизма. Конечно, национальная диктатура лучше космополитической демократии, но, как уже отмечалось выше – “лучше” еще не значит “хорошо”.

Диктатура, а именно она победила в результате фашистских революций (пример с монархией Виктора-Эммануила некорректен, она была ширмой для фашистского режима, причем ширмой ненужной и опасной – как выяснилось летом 1943 г), всегда недолговечна и сиюминутна. Даже демократия гораздо гибче ее. При диктатуре вся система создается под одного выдающегося человека, обладающего неповторимым набором ярких индивидуальных качеств. При этом она еще и не подразумевает наличие эффективного механизма преемственности. После смерти вождя или его устранения такая система рассыпается в прах, демонстрируя всю недолговечность и слабость человеческого. Демократия же пытается подстроиться под многих людей и в силу этого она более устойчива, хотя и более омерзительна в то же время.

Эффект, создаваемый диктаторами, велик, но при всем при том остается переменной величиной. Энтузиазм тоталитаризма сродни эйфории и проходит столь же быстро. На примере фашизма мы видим насколько недолговечна и относительна коллективистская эйфория, разожженная одним человеком. Когда правитель разогревает массы до критического уровня, то тем самым он выявляет свою зависимость от ее

эмоциональности (эта эмоциональность всегда является низшей, темной, теллурической), а следовательно демонстрирует “слишком человеческий характер” собственной власти, власти, которая ищет опору не в трансцендентном величии, но в имманентном коллективизме.

Бессмысленное и даже вредное (с точки зрения Традиции) “разогревание” и “растормаживание” истеричного (пусть и “националистического”) коллективизма масс отчетливо видно во всех митинговых кампаниях немецкого и итальянского фашизма. По поводу такого искусственного воодушевления очень хорошо сказал Ю. Эвола (критик фашизма справа). Согласно ему, оно “хоть и достигает в отдельных случаях коллективного фанатизма и энтузиазма, однако основано на субперсональных аспектах человека как человека массы и на искусстве их активизации в ущерб любой другой возможной форме индивидуальной реализации”. “Агломерацию, возникающую подобным образом, — продолжал Эвола, — можно сравнить с прилипанием металлических частиц, притягиваемых магнитом, которые, как только поток, создающий магнитное поле, исчезает, мгновенно отлипают и распадаются в неустойчивую массу, тем самым демонстрируя сколь непрочным было предшествующее состояние бесформенной агрегации”. Действительно, крушение фашистских режимов и ситуация после нее продемонстрировали всю недолговечность и ненадежность “слишком человеческого” национал-коллективизма.

Одновременно следует признать сильной стороной фашизма его воинский эстетизм. Фашистские марши и парады, проникнутые несуетной величием, наоборот, демонстрируют наличие в нем огромного традиционалистского потенциала, к сожалению, не реализованного в полной мере.

Данная реализация и не могла быть действенной без монархии, то есть без придания национальной власти трансцендентной основы. Реставрация была необходима. Конечно, здесь не имеется ввиду пролонгация никчемного существования старых, выродившихся династий, ставших марионетками в руках мировой закулисы, таким благородным прикрытием не благочестивых торгашеских афер. Монархами должны были стать вожди национал-революционных движений – их гений и героизм, их чудесный триумф прямо указывали на возможность богоизбрания. Парадокс – и Италия, и Германия официально считались империями, однако, самой императорской власти там не существовало. Особо нелепое положение сложилось в Италии, где из ложно понятого консерватизма сохранялась эрзац-монархия ничтожного и подлого Виктора-Эммануила, при первой же возможности прогнувшегося перед западными демократиями и действительно поддержавшего заговорщиков. Ю. Эвола, рассуждая с в общем-то верной, традиционалистской позиции, замечает, что личные качества монарха не могут служить основанием противодействия самой монархии (на основании этого тезиса он осуждает

Муссолини за его “антимонархизм” и “республиканство” периода республики Сало). Однако, он упускает из виду, что никакой монархии в Италии не существовало — до Муссолини власть “короля” зависела от парламента, а во времена дуче она управлялась посредством его личной диктатуры. Сама же династия выродилась, совершив преступление против священной Крови. Посему вряд ли стоит особо упрекать Муссолини – никакой монархии он не “отменил”. Конечно, провозглашение республики нельзя считать удачным шагом, но никаких принципиальных изменений (в принципе государственного устройства) не произошло. Повторюсь – дуче имел в сотню раз больше оснований стать монархом, чем Виктор-Эммануил, превосходя его по сакральности собственного статуса – не говоря уже о личном благородстве.

Разумеется, создание фашистской монархии было бы крайне затруднено отсутствием в Италии и Германии сильной религиозно-мистической традиции, способной дать ей сакральное основание. Католицизм и протестантизм для этого не подходили, “возрождение” же язычества оказалось бы не более чем беспочвенной утопией. Однако, если бы вожди фашистских революций серьезно задумались о восстановлении традиционной государственности имперского типа, им, со временем, удалось бы найти необходимый духовный стержень. Его можно было бы найти в лице солнечно-имперской традиции гибеллинов, утверждавшей приоритет священного императора над папой. В конце концов, почему нельзя было провести новую Реформацию, не вытравливающую из западного христианства традиционную суть, но, напротив, более полно ее проявляющую?

Но увы, фашизм был слишком насыщен материализмом, что сильно сказалось на его социальной природе.

“Человеческое, слишком человеческое” предполагает излишнее упование на материальные факторы. Либерал-капитализм ставит во главу угла деньги и потребление, национал-коллективизм выпячивает директивность. Сторонники тоталитаризма возлагают огромные надежды на абсолютную организацию “сверху”, призванную учитывать любую мелочь в интересах эффективного руководства социумом. Фашизму была присуща заорганизованность, он взвалил на государство и партию слишком много управленческих и контрольных функций – в ущерб духовно-воспитательным. Традиционное государство на первый план ставит именно свой духовный авторитет, прямо вытекающий из трансцендентного источника власти. Фашистское государство не избежало соблазна преувеличить эффективность директивы, переняв совершенно чуждую Традиции якобинскую манеру вмешиваться во все и вся, переделывая всех по некоему упрощенному образцу. Вызывают недоумение многие широкомасштабные кампании, призванные бороться с некоторыми житейскими,

бытовыми мелочами. Сюда следует отнести общенациональную критику ношения цилиндров и домашних шлепанцев, практикующуюся в Италии середины 30-х годов. А что можно сказать по поводу борьбы с употреблением обращения “lei” (особо вежливая форма обращения на “вы”)?

Стремление к централизации имело свои положительные стороны, когда она усиливала мощь империи, ограничивала эгоизм “сильных мира сего” и придавала цельность и предсказуемость рыночной стихии (планирование). Но она же зачастую ликвидировала некоторые остатки традиционной цивилизации, которые могли бы получить развитие. Так, были уничтожены многие самобытные германские институты. Здесь особо стоит выделить упразднение автономности старых земель и навязывание примитивной, банальной системы “gau”, не учитывающей культурно-бытовых региональных особенностей. Зачем то ликвидировали и студенческие корпорации с их средневековым кодексом чести. Фашизм проявлял стремление ограничить многообразие социальных связей, а это – очень тревожная черта, ведь ориентация на однообразие есть одна из основ современного эгалитаризма, стирающего этнические, религиозные, социальные и региональные различия.

Своеобразный гуманизм стал причиной и моралистических излишеств, которые никак нельзя занести в актив фашизма. Мелочное вмешательство в личную жизнь человека, осуществлявшееся клерками от идеологии можно сравнить со стрельбой из пушки по воробьям. Эвола был совершенно прав, когда обратил внимание на то, что мораль призвана регулировать отношения между людьми (делая их более удобными), тогда как религия, мистика стремятся преодолеть человеческое и достичь трансцендентного. Потому, считал он, морализм фашизма лишь уводил его в сторону от высших целей – стараясь уладить мелкие, по сути своей, проблемы нравственного порядка (в основном, сексуальные) он увязал в повседневности, столь милой современным обществам. К тому же мелочная опека людей, бесспорно, лишь унижала сам принцип Государства. По мнению того же Эволы, одним из ярких примеров подобной несообразности были кампании повышения рождаемости, в принципе, являвшиеся чем-то вроде контроля над сексуальной и интимной жизнью. Желание улучшить положение дел за счет увеличения качества выдает, по Эволе, наличие демократической ментальности, ведь упор на количество есть важнейшей признак любой демократии. Я полностью согласен с Эволой. Надо думать не о количестве людей, а об их качестве. Когда вырождаются огромные массы и целые социальные слои нелепо думать о резком скачке народонаселения, он только отнимет силы и средства у тех, кто способствует улучшению уже имеющегося количества. Применительно к России замечу следующее. Глупо мечтать, как это делает большинство патриотов, о высокой рождаемости – лучше подумать об уже родившихся трех миллионах русских беспризорниках, многие из которых не станут полноценными людьми без семьи.

Перед любым тоталитаризмом всегда стоит заманчивая перспектива – быстро переделать всех людей, используя организационную мощь диктатуры. С этой целью он всемерно использует могущественнейшее и чудеснейшее оружие — идеологию. Ее пытаются навязать всем и в довольно больших количествах, не заботясь о том, сумеет ли все общество переварить высокие идеалы и мысли. Фашизм не был исключением – его руководители чрезвычайно настойчиво приобщали к национал-революционной идеологии каждый из социальных слоев, наивно полагая, что промывка мозгов и чуть ли не ежедневная идеологическая “шагистика” сумеют превратить клерка, сталевара или молочницу в убежденных бойцов Идеи. Поражают масштабы вовлечения широких масс в идейно-политическую борьбу, потрясает размах официальных политических мероприятий и нечеловеческий объем идейно насыщенной информации, содержащийся в газетах и радиопередачах. Усвоить все это было не по силам тем, чьим основным занятием была деятельность в сфере непосредственного материального производства и грубого физического труда. Порой кампании по воспитанию широких масс превращались в явный фарс. Так, ничем иным, кроме как невольной разыгранной комедией, нельзя считать проведение т. н. “фашистских суббот”, еженедельных праздников, во время которых от каждого итальянца требовалось заниматься военно-спортивными играми, подготовкой к парадам или политучебой. Само собой эту затею ожидал полный провал. Приходится признать – массовость фашистской идеологии явно не соответствует элитаризму и иерархичности самого фашистского движения и больше подходит пролетарскому коммунизму. Впрочем, в случае с последним, все было естественно. Коммунисты “героической” эпохи апеллировали к широким массам с целью выбрать из них психологически близких себе типажей, носителей примитивно-коллективистских, “теллурических” тенденций – таких людей всегда больше в массе. Фашизм ставил перед собой другие цели, но добился “пролетарских” результатов. Апелляция к массе, пробуждение ее политической активности при помощи глубинного распространения “небесной” идеологии привели к возникновению огромного количества плебеев-выдвиженцев, лишь искажавших великую Идею, превращавших ее в средство удовлетворения пролетарской зависти и пролетарского садизма. Бесспорно, значительное число т. н. “злоупотреблений” фашизма осуществила политическая чандала, носители плебейской ментальности, вызванные из тьмы социальных глубин посредством коллективистской магии. Но самое показательное – распространение идеологии в ширь не привело к ее действительному усвоению большинством. Массы просто не вместили в себя весь объем гигантской идеи фашизма.

Изучая историю фашизма лучше понимаешь – какой должна быть подлинная идеократия. (А в том, что она должна быть, сомневаться не приходится, в наш век религия и традиционные устои нуждаются в мощном защитнике – в яркой и волевой национальной идеологии, аналитически разработанной и прогностически выверенной. Лишь сильная идеология, конкретизирующая традиционные установки, представляющая политическую, экономическую и социальную программу, может победить подрывные движения, соблазняющие людей своим интеллектуализмом и кажущейся широтой мысли). Идеологию нужно распространять крайне избирательно, строго дозируя объем

в зависимости от интеллектуальных возможностей и потребностей разных слоев. Бесспорно, Идею надо довести до каждого, но большинству следует сообщить лишь минимум – самый минимум – дай Бог, чтобы оно усвоило как следует хотя бы его. Другое дело – верхние слои, элита (госчиновники, офицеры, интеллектуалы, научно-технический персонал и т. п.). Здесь идеологическое воздействие должно быть чрезвычайно мощным, но и чрезвычайно гибким одновременно. Потому необходимо наличие партии-ордена, идейно-политической организации, отделенной от государства (вернее от государственного аппарата) и сосредоточенной на духовном руководстве нацией. Такая партия будет правящей партией в высшем смысле этого слова – она станет определять развитие нации не силой приказа, а силой убеждения. Специализированная на идеологии и не отягощенная административными заботами, эта партия сумеет создать потрясающую, по гибкости и эффективности, идеократию.

Однако, вернемся к вопросу о “массовости” фашизма. Настойчивая апелляция к массе и большинству (попутно отметим тут нездоровое для правого, стремление к количеству в ущерб качественной определенности) не могло не сопровождаться активным задействованием пролетарской, социалистической риторики. На первый взгляд безобидное использование образов и смыслов, характерных для “четвертого сословия” (наемных слуг) имело ощутимые последствия. Оно существенно снижало пафос правой идеи, пробуждая в массе не чувство преклонения перед высшими слоями, но осознание собственного величия, которое им конечно же не было присуще, как не бывает оно присуще и любой массе. В традиционном обществе большинство признавало сверхчеловеческое достоинство аристократического меньшинства, проникаясь чувством величия своих Господ. На массу, занятую грубым трудом или подсчетом барышей падал ярчайший отблеск величия тех, кто властвовал, молился и профессионально воевал, тех, кто создавал тончайшую культуру. Иначе говоря, массы обретали величие через избранных.

В случае же с фашистской апелляцией к пролетариату, сами избранные оказались низведенными (пусть и частично) до уровня масс. Демагогическое выпячивание пролетарской стилистики было предельно абсурдным с точки зрения традиционализма. Какой, например, высший смысл можно найти в провозглашении немецких рабочих трудовой знатью, или во введении обязательной трудовой повинности (власти предписывали заниматься физическим трудом всем, достигшим определенного возраста)? Вообще, идеализация физического труда носила явно антитрадиционный характер. Прогрессиизм (как пролетарский, так и буржуазный) помешан на воспевании труда – он видит в человеке всего лишь механизм, призванный постоянно обеспечивать себе материальный достаток, восполняя тем самым изношенность деталей. Напротив, традиционализм рассматривает человека как организм, сочетающий процесс затраты и восстановления сил с процессом живого, деятельного “бездействия” (для механизма бездействие означает отключение). Граф Аллен де Бенуа, один из ведущих теоретиков европейской новой правой, в свое время высказал интереснейшее соображение.

Согласно ему, лень составляет один из наиболее важных и необходимых моментов существования человека, ибо предоставляет ему возможность для свободного созерцания окружающего бытия. Потому то средневековая аристократия, сословие весьма деятельное, время от времени так любила предаваться забавам и ничегоделанию. Оно отдыхало от обязательной, подзаконной деятельности, осмысляя мир свободно и творчески. Низшие касты, наоборот, чрезвычайно склонны к обязательности и подчинению, поэтому для них так важен постоянный физический труд с его внутренней и внешней регламентацией. Исходя из этого все попытки совместить национализм с лейборизмом (от англ. слова “laibor” — “труд”) можно расценивать лишь как одно из проявлений кастового смешения.

Вот, кстати, и еще одна весомая претензия к фашизму – он так и не восстановил полноценное, кастовое (сословное) социальное деление. Подобно тому, как вожди фашизма должны были стать носителями императорской власти, так же и их соратники должны были превратиться в костяк новой, рыцарско-героической, национал-революционной аристократии. Вызывает удивление – почему жестко отстаивая принцип Крови в области расовой политики, немецкие национал-социалисты не утверждали его и в сфере социальных отношений? Традиционный порядок держится на таинстве Крови, которая есть душа (Библия: “душа человека есть кровь его”), взятая в ее видимом аспекте. Именно посредством этого таинства, через наследование, передается естественный талант человека, именно оно, это таинство, свидетельствует о воле Бога в отношении родившегося человека. И без возрождения сословий не может быть возрождения Традиции и Нации.

Настала пора подводить итог. Фашизм при всех своих достоинствах, при всем героизме и яркости стиля, был слишком перегружен недостатками – слишком для того, чтобы победить. Он заслуживает критики, но критиковать его нужно не столько за разные злоупотребления и преступления, сколько за непоследовательность в достижении целей и задач правого радикализма. Совершенно обосновано соединяя Консерватизм и Революцию, он в то же время, был недостаточно консервативен и недостаточно революционен. Для консервативного революционера революционность означает непримиримость ко всем видам и проявлениям современной деградации, консерватизм же означает для него верность основным принципам традиционной цивилизации. Как видим, фашизм не сумел избежать компромиссов с некоторыми, весьма значимыми, явлениями и процессами современного порядка. Не сумел он и восстановить (в полном объеме и на новом уровне) все основные принципы Традиции.

Да, это была великая Попытка, это был первый по-настоящему сильный натиск на Врага. Если коммунары, по выражению Маркса, “штурмовали Небо”, то фашисты воистину штурмовали Подземелье. После коммунаров с их неудачной попыткой, были Советы.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ФАШИЗМЕ

Автор: Александр Елисеев
23.01.2011 15:51 -

После фашизма будет истинная и победоносная Консервативная Революция. Фашизм лишь наметил контуры истинного мировоззрения и подлинного порядка – порой дрожащей и неверной рукой. Надо исправить неверные линии и закрасить все яркой, несмываемой краской. И я убежден, что это будет под силу лишь нам, русским!